Какаши попросил Наруто поднять его рубашку, чтобы он мог направить чакру в свою печать.

Благодаря Данзо, ребенок знал, что он джинчуурики, и на самом деле Какаши злился, что его сенсей лгал ему и всем остальным по этому поводу. Он «понял», что им нужно вернуть Мито, но Минато действительно нарушил правила, и последнее, что нужно его сенсею, — это еще больше проблем с оставшимися Старейшинами или ужасным Советом. Ему хотелось бы думать, что он не был все еще одержим «Правилами»; на этот раз он был обеспокоен, потому что его сенсей просто навлекал на себя дополнительные неприятности.

"Как ты думаешь, что ты делаешь?"

Какаши ахнул и почти попытался бежать - его инстинкты шиноби уступили тем, кто больше заинтересован в его выживании - но Минато вцепился в его рубашку, к которой была прикреплена его маска, поэтому он не смог. Это было еще более унизительно, потому что Наруто-паршивец открыто смеялся над ним.

«Каши-нии — непослушный мальчик», — пел он.

«Какаши — непослушный мальчик», — мрачно согласился Минато с сыном. «В мой кабинет, паршивец», — прорычал он своему ученику, швыряя туда свою взрослую задницу. — Наруто, мне нужно, чтобы ты остался с... Райдо-саном, ладно? — спросил он, оглядевшись вокруг, чтобы увидеть, кто мог видеть, что сделал его идиот-ученик. «РАЙДО-КУН», — крикнул он в коридор.

"Сэр?"

— Мне нужно, чтобы ты присмотрел за Наруто-тян, — сказал очень уставший Хокаге. Райдо поник и даже надулся. Он мог это немного понять. Наруто был горсткой.

Тем временем лицо Наруто внезапно стало настолько похожим на лицо молодой, пацанской Кушины, что Минато захотелось безжалостно его обнять. Нару выглядел совершенно разъяренным, и это было восхитительно. «Кун, папочка! Наруто-КУН!»

— Хай, хай, — легко ответил Минато, поглаживая сына по голове. Он планировал использовать почетное обращение «тян» со своим сыном как можно дольше. Он приказал всем, кто, возможно, видел печать, войти в его кабинет, а затем активировал защитную систему конфиденциальности. "Объяснять."

Какаши вздрогнул. «Я знал, что видел тюленя раньше. На самом деле несколько раз».

— И ты хотел подтвердить, что он джинчурики, — предположил Минато.

Неохотно Какаши кивнул головой.

«Хорошо. Ты будешь присматривать за детьми в течение месяца», - сказал он своему ученику, который выглядел так, будто собирался заплакать. «Ты бака. Наруто... Это останется в этой комнате, я ясно?»

«Хай!»

«У Наруто есть лишь небольшая часть чакры Кьюби», — признал он. «Сандайме-сама планировала разделить чакру Кьюби пополам, но возникла проблема с запечатыванием». Сначала никто ничего не сказал, но первым заговорил Генма — вероятно, потому, что у

Какаши были такие проблемы. Обычно его непослушный ученик говорил от имени группы, когда они получали приказы.

«Есть проблемы с печатью?»

— Не с Наруто, — выдохнул Минато, — а у Мито-чан все хорошо. Слишком хорошо , чтобы ее якобы хорошее психическое здоровье было реальностью. Он постучал ручкой по столу, глубоко переживая за свою дочь. Ее отчеты стали более похожими на прежние, и он надеялся, что это означает, что он в некоторой степени восстановил их отношения.

Когда ее нашли после похищения, Цунаде сказала, что Мито не выживет, если ее снова запечатают, и в отличие от печати джинчуурики Суны, печать Мито была сложной - и создана мной лично, - посетовал Минато. Эта печать контракта требовала принесения в жертву синигами жизни заклинателя дзюцу. К сожалению, именно это было необходимо, чтобы разделить чакру Кьюби на половины Инь и Ян.

Однако цепи Мито прервали это.

Минато никогда в жизни так не боялся того, как синигами пристально смотрел на его дочь и что-то насмехался над ней: слова, которых он не знал и о которых никогда не просил. Ни у него, ни у Санддайме к тому моменту не было чакры, чтобы бороться с ее цепями, и Хирузен умер от разрыва ядра чакры и последующего сердечного приступа. Он молился, чтобы его предшественник отправился в Чистые Земли, а не в чрево синигами. Он вздрогнул, просто подумав об этом.

Был ли Мито в безопасности? – Вот в чем был вопрос.

Казалось, этот вопрос стоял всегда, с того самого дня, как она была зачата.

Месяцы спустя -

Она наконец уходила. Пробежав через лес, Мито прыгнул на деревья, плывя по воздуху и почти желая кричать. Хотя это был бизнес. Нет, это было личное. В любом случае, это было… важно.

Приземлившись на лесную подстилку, она почувствовала края вихревого гендзюцу, которое, как говорили, удерживало на расстоянии любого, в кого не втягивала кровь Узумаки: сейчас оно было довольно слабым. Это гендзюцу однажды ударило ее отца, когда она была маленькой, и Мито вспомнила, как смеялась вместе с матерью, когда она следовала за ней в храм Узумаки, наблюдая, как ее отец ходит кругами, потирая подбородок, как будто он забыл что-то за его пределами. А может, он все забыл.

«Это величайшее, даттебане! Ками-сама и мои любимые предки, водовороты и песок: помогите мне удержать сильных, девчачьих гениев! За исключением моего прекрасного маленького океана, конечно».

«Каа-тян! Океан не может быть маленьким!»

— Аа, ты прав, Мито-чан! Все еще забавно видеть, как твой Тоу-сан выглядит таким глупым, нэ?

«Й-ха-ха-да!»

Воспоминания уже не были такими болезненными. Во всяком случае, Мито была рада, что у нее было столько же времени, сколько и у нее. Оказавшись внутри вихря, она увидела храм. Стиснув зубы и напрягая нервы, она уже видела, что все заросло. Ей стало плохо.

— Говори свободно, Мито-чан, — настаивала Кушина. «Узумаки не из тех, кто сдерживается или извиняется за то, чему не может помочь. Конечно, мне нужно навести здесь порядок, ттебане…»

Губы Мито изогнулись, когда она вспомнила, как смотрела на свою мать, которая даже тогда, как маленькая девочка была уверена, должна была петь или просто молчать, сжигая благовония, вместо того, чтобы говорить с ней в таком быстром темпе.

«Но это… Ну, это драки, понимаешь? А поскольку люди глупы и дерутся, я не могу возвращаться так часто, как хотелось бы. Как НАМ хотелось бы, не так ли?»

«Хай!»

«И ни один порядочный Узумаки не может не простить – УПСИС: двойное отрицание – ха-ха-ха – не простит тех из нас, кто остается, когда мы не можем не помочь, но…»

Мито вспомнила, как медленно подошла к своей матери, у которой внезапно заплакали глаза, и обняла ее за ногу, пока ее снова не взяли на руки.

— Все в порядке, Мито-чан. Каа-чан, извини, — сказала Кушина, фыркая, когда Мито зарылась головой в волосы. Она немного покачала свою дочь, прежде чем положить ее обратно, имея некоторые сомнения, действительно ли Минато все еще бесцельно бродит за пределами вихря. «Когда Мито-химэ, в честь которой ты назван, переехала в Страну Огня, клан построил это для нее». Тихим голосом она призналась в том, что ее давно беспокоило. «Однако, чтобы переместить сюда маски и столько свитков: они должны были знать о приближающейся атаке».

Цунаде неоднократно говорила то же самое. Она также сказала Мито, что те, кто остался с кровью Узумаки, злились на то, что им не сказали… «Они злились на то, что никто из Узушио не попрощался и не разрешил сражаться с ними», — сказала Мито, завершая некоторые из своих разговоров. мысли в аккуратном бантике. Стряхнув воспоминания, она подошла к последнему барьеру святилища.

«Мое сердце бьется в волнах моря», — твердо сказала Мито, делая первый шаг из девяти, чтобы войти в храм. «Пена волн в моей крови», — были последние слова, которые позволили ей войти в сам храм. Плечи Мито поникли, когда она увидела и почувствовала, к чему привело ее небрежное отсутствие. В храме царил пыльный и вонючий беспорядок: должно быть, печати вышли из строя. «Ой, чувак…»

Тогда ее первой работой была проверка и переделка печатей.

2. Включите вихрь

3. Посмотрите, остались ли чистящие средства

4. Найдите немного корма для рыб – как эти кои были живы, она сейчас не понимала

5. Уберите отсюда этот аквариум с морской водой и закопайте его или что-то в этом роде

Список можно продолжать и продолжать. Как она могла сделать это и вернуться до наступления темноты? "О, нет!" Был уже полдень. Она настолько погрузилась в воспоминания и сожаления, что потеряла счет времени.

«Прошлое — это водоворот, который утянет тебя на дно моря, если ты позволишь, Мито-тян».

– Мито не знала, что имела в виду ее мать, когда говорила это, но теперь она точно знала. Это не означало, что это что-то изменило.

«Узумаки — веселая компания, Мусуме, но никогда не забывай о нашей мстительной натуре. Пусть Ками попытается защитить тех, кто причинил нам вред, потому что мы этого точно не сделаем».

Как только она будет готова на 100%, она собиралась выследить Обито.

Она нашла чистящие средства, и вскоре под стропилами работало море каге-баншинов. Ей придется приехать сюда позже и поработать над крышей и полом после покупки черепицы. «Чувак, мне бы хотелось иметь способности Мокутона».

Мито не была уверена, можно ли чистить маски с помощью каге-бунсин, но, учитывая, что она всегда их до глупости боялась, ей пришлось заставить своего бунсин выполнить эту задачу. Вскоре это место стало выглядеть намного лучше, и единственное, что не удалось спасти, — это заполненный илом аквариум с морской водой, который раньше стоял у задней стены.

Помолившись и пообещав вернуться как можно скорее, Мито заперся и на максимальной скорости помчался к Храму Огня.

Асума ждал у ворот, над ним кружил Руто-чан. Он клялся, что птица пыталась его бомбить дерьмом, но более важным вопросом было то, почему Даймё-сама позволил Мито уйти и не сказал ему об этом.

Хотя, действительно ли это справедливо? Мы с Мито-чан теперь одного ранга, хотя она все еще сопляк. Слишком легко похищаемый мальчишка . Увидев, как цвета ее сумасшедших волос пробиваются сквозь листья деревьев на закате, он вздохнул с облегчением и скрестил руки на груди в (пока) молчаливом раздражении.

«Йо», — поприветствовала его Мито — грязно, но счастливо. 'Руто-чан приземлился ей на плечо.

Она попыталась отпустить его после того, как убедилась, что Данзо мертв, но попугай предпочёл остаться с ней. «И горе тебе, мой маленький пернатый друг!»

Асума застонал, еще больше разозлившись на нее. «Йоу сам. Почему ты не сказал мне, что уходишь?»

Мито подняла на него покрытую шрамами бровь. «Ты что, отец мой?!»

«Мито-тян!»

— Мито, Мито, — повторил Руто-чан.

— Неважно, Асума, — устало сказала Мито. «Мне нужно принять душ и переодеться».

— Уйди отсюда, Асума!

Асума глубоко вздохнул и нежно схватил ее за плечо, не обращая внимания на попугая. "Я беспокоюсь о тебе."

Мито пристально посмотрел на него, но поддался своим старшим братским инстинктам, зная, что в противном случае они станут только хуже. К тому же, ей больше не нравилось, когда к ней прикасались. «Со мной все в порядке. На самом деле… Между нами, — сказала она, ее голос становился все тише и тише, — храм довольно близко отсюда. Мне давно пора было пойти и позаботиться о нем».

— Ох, — сказал Асума, не зная, что еще сказать. Он слышал о храме Узумаки, но то, что Мито даже признал его общее местоположение, свидетельствовало о большом доверии. Он также не хотел связываться с этим местом, поскольку все истории о привидениях Мито вращались вокруг него.

«И ты знаешь, что мой клан связан с океаном, понимаешь, Асума-нии? Что ж, если бы ты — не - Узумаки — вошел в храм Узумаки, твоя кровь закипела бы, и мои предки утащили бы тебя на дно море!"

Шизуне была с ними — они все тогда были молоды, но Шизуне была самой старшей — в ту темную ночь, и он помнил, каким ужасом она выглядела. Он ошибочно полагал, что она — легкая добыча.

«О да? Ну, раньше обезьяньими призывами были люди ! Жены обезьян раньше были непослушными маленькими человеческими девочками, и они…»

«Сарутоби Асума», — крикнула Шизуне. «Я скажу твоему отцу!»

«С тобой не весело, сестренка», — надулась Мито, вероятно, желая услышать больше о том, как стать обезьяной.

— О, со мной очень весело, — опасно сказала Шизуне. «Вы двое знали, что мой брат Дан-сама забирал тела людей в бою?» Когда оба маленьких ребенка кивнули, она начала свой ужасный рассказ.

Асума мысленно заблокировал то, что она сказала, но Цунаде и Джирайя нашли его и его младшую сестру свернувшимися калачиком вместе с плачущей Мито, они оба были в ужасе от того, что Шизуне собиралась завладеть их телами и передать их Иве. — У Шизуне были большие неприятности.

Асума и Мито узнали, что в ту ночь всегда нужно остерегаться тихих.

«Некоторые из нас собираются вместе сегодня вечером», — признался Асума, справедливо предупредив Мито. Мито кивнул, прежде чем уйти прибраться, и быстро приступил к действию.

После душа Мито была далеко не удивлена, когда вошла в свою маленькую комнату, потому что она была заполнена ее товарищами и была очень тесной. — Йо? Не то чтобы я возражала против того, чтобы Асума впустил тебя, — сказала она, все равно бросая взгляд на брата, — но я всего лишь ожидала, что Руто-чан будет здесь.

«Руто! Руто!»

Асума встал, нервно держа в руках лист бумаги. У всех были бумажки.

— Мито-чан, — сказал он, нервно потирая затылок и приступив к чтению. «Мы, твои самые близкие друзья…»

— Тогда где Анко? — грубо спросил Мито. Они были в ЕЕ комнате; ей было все равно, она очень устала и была готова ко сну.

— Верно, — согласился Асума, оглядывая комнату и беспокойно ерзая. «Она отказалась приехать».

«Ну, это отстой». Мито не могла не взглянуть на То, которого она познакомила с Анко около месяца назад. Вероятно, Тоу было слишком рано окунаться в воды отношений после предательства Май, но Анко была очень счастлива, что наконец-то встретила еще одну симпатичную женщину, выступающую за команду хозяев, которая была не намного старше ее.

— Да, действительно так, — пробормотал Асума себе под нос, прежде чем прочистить горло. «С момента нападения вы прошли долгий путь физически…»

"Что это значит?" — быстро спросила Мито, оглядывая комнату на своих товарищей-Стражей Храма Огня. «Это вмешательство ?!» — вскрикнула она, до смерти напугав попугая, который начал летать по клетке и тоже визжать. «Что, черт возьми, это вообще о чем?!»

Пока Асума угрожал птице, которая говорила о нем ужасные вещи, различными дзюцу ветра, держа руки наготове в позиции Тори, Тоу встала, чтобы попытаться успокоить свою младшую подругу. Она редко видела Мито, когда ее волосы летали, но Ками, Мито была ужасна, когда это происходило. «Мито-чан, мы обсуждали это, и хотя ты, возможно, не особо хорошо ладишь с детьми…»

«Я чертовски ОТЛИЧНО РАБОТАЮ С ДЕТЬМИ!»

— Конечно, — успокаивающе солгал Тоу, — в конце концов, у тебя есть младший брат…

Мито рухнула на пол и схватила себя за волосы. «ПРЕКРАСНО! ...Мне есть что тебе сказать». В комнате воцарилась тишина, но Мито поставил дополнительную глушащую печать на случай, если остальные этого не сделают. В любом случае ей нужно было им это сказать, и, надеюсь, это отвлечет их от того, о чем они говорили. «Это секрет S-класса. ...Я джинчуурики Кьюби». Ни одно выражение лица не изменилось. «ТЫ ЗНАЕШЬ? Ты мог бы… ты мог бы ДЕЙСТВОВАТЬ так, будто это сюрприз!»

После паузы Сейто драматично ахнул, прижав руку к сердцу, заставив некоторых тихо рассмеяться.

Асума снова начал читать о том, как он обеспокоен, но Мито снова его прервала.

— Так это из-за Соры-куна, не так ли?

-Ага. Как она могла нормально находиться рядом с Сорой-куном, если каждый раз, когда она приближалась к нему, Кьюби сходил с ума, называя его мерзостью и желая его смерти? Чтобы (не совсем) успокоить его, она избегала ребенка, насколько это было возможно, хотя мальчик был ровесником Наруто и казался милым человеком.

— Не совсем, — сказал Чирику. «Вы прошли через огромное испытание, и мы считаем, что вы не позволяете себе справиться со своим горем или травмой».

Мито смотрел на него добрую минуту. «Я признаю, что мое горе и травма движутся внутри меня, как море, большое спасибо», — сказала она, прежде чем чуть не перевернуться на спину. Однако она еще не нанесла на него мазь. И ее кожа там была чертовски натянутой.

«Ты винишь Сору-куна в том, через что заставил тебя пройти его отец», — заявил Асума, шокировав ее, когда он упомянул Кадзуму. «Это вполне естественно».

Мито моргнул, глядя на него несколько секунд. «Нет. На самом деле нет», — сказала она, но начала задавать себе вопросы. Она просто винила Кьюби в своих проблемах?

Однако он действительно болел за этого ребенка. «Это отстой, чувак». Ей нужна была информация от отца. Он откладывал ее заботы и просил не упоминать о них в следующем письме, но этого было достаточно. «Хорошо. Прочитай свои письма и скажи мне, какой я ужасный человек».

Так они и сделали. – По крайней мере, она так это восприняла.

Мито чувствовала себя хуже, чем ужасно.

Закончив, ее товарищи ушли, не сказав ни слова, и Асума почувствовал, что совершил огромную ошибку. «Мы все заботимся о тебе, Мито».

— Спасибо, Асума, — сказала она, думая совсем о другом. Говорят, мне нужна религия, да?

Возможно, они были правы. В конце концов, она была очень счастлива в храме Узумаки. Но то, что говорили ее друзья, не совпадало с тем, во что она верила. То, что они советовали, больше походило на то, что она слышала от Старейшин и этой жрицы – Шимуры КИКО, черт возьми, – которые велели другим делать. Между Старейшинами и Кико? Да: они не стали для нее хорошим примером ни Воли Огня, ни (конечно) чего-то более глубокого.

Спустя больше года -

— Он... будет удивлен, — снова сказал Асума, перекинув рюкзак через плечо.

«Думаю», — сказала Мито, приближаясь к гигантским красным воротам. Она протянула руку и погладила Руто-чана, который ехал у нее на плече, подложив под него маленькое белое полотенце. «Несмотря ни на что: это только на выходные».

«Хай, хай».

Однако Асума задавался вопросом, отпустит ли Йондайме-сама свою дочь, когда она окажется «дома». У них была пара выходных, и Мито решила сделать сюрприз отцу, убедившись через Человека-паука, обезьяну-паука, что он находится в деревне. Он подошел к охранникам у ворот, которые глазели на них двоих. Прошло довольно много времени с тех пор, как он был дома, и он мог признать, что Мито была весьма поразительна. — Изумо-кун, Котэцу-кун, как дела?

«Прошло много времени, чувак!»

«Я не знал, что ты придешь», — добавил Изумо. Асума усмехнулся: дуэт, который быстро получил прозвище «вечные стражи ворот», был таким же, каким он его помнил, хотя и немного выше, чем они были генинами.

«Мы здесь только на выходные, а потом нам придется вернуться в столицу», — сказал Асума, глядя на двоих, когда они осматривали его младшую сестру с ног до головы, как будто она была куском мяса.

— Итак, — Мито опасно улыбнулась, — ты собираешься получить Хокаге или что?

"Мне жаль?" — спросил Изумо.

— Черт возьми, чувак, — сказал Котецу, отступая на шаг. «Она Жнец».

Мито закрыла глаза и глубоко вздохнула, желая никогда не покидать столицу, которую она теперь считала своим домом. Она абсолютно презирала это прозвище. «Я хочу увидеть своего отца сейчас».

— Отец, — глупо сказала Изумо, все еще заискивая при мысли, что Жнец показал свое лицо в Конохе. И что это было за лицо – хотя он смотрел не туда. (Он даже не заметил птицу.) Она была в довольно стандартной униформе Джонина Конохи - на ее прекрасном плече отчетливо видна татуировка АНБУ - но короткие шорты, которые она носила, действительно шли ему на пользу.

«Вот что происходит, когда ты толкаешь меня в воду», — яростно крикнул Мито Асуме, прежде чем повернуться к охранникам у ворот. Ее штаны промокли по дороге в Коноху из-за борьбы в реке с этим идиотом! — Хватит смотреть на мои ноги, Чунин!

«Ее волосы сделали это», — размышлял Котэцу высоким голосом, дрожащим, что казалось абсолютно глупым, потому что волосы этой женщины действительно были ЖИВЫМИ, МУЖЧИНА! Это было указано в ее профилях в книге «Бинго», но он подумал, что это всего лишь миф!

«Ох, черт возьми», — сказала Мито и направилась в Коноху. Она позволила Асуме записать ее. К тому времени, как она добралась до офиса своего отца, у нее было НАМНОГО больше извращенцев Конохи, и она выбила дверь офиса. "Эй."

Ох черт: похоже, у ее отца случился инсульт. Она подбежала к нему, спокойно прося его дышать после того, как ее заставили выбросить два его АНБУ в окно, чтобы она могла эффективно провести ему диагностику. О нет, он плачет! «То-сан! Прекрати!»

— Мито! Ты… ты действительно здесь, — захныкал Минато.

«Я здесь, я здесь», — повторила она, обнимая его, и ее попугай кружил по комнате. Она бросила взгляд на его оставшихся охранников, приказывая им идти нахер и заставляя их уйти, чтобы они могли уединиться. "Ты в порядке?" — спросила она чуть шепотом, прежде чем показать язык секретарше отца, которая в ужасе посмотрела на дверь (и сломанный дверной косяк). Эта женщина показывала слишком сильное декольте! «Я думал, ты умрешь на мне там!» Отец сжал ее крепче, но немного отпустил, когда она вздрогнула. – Он держал ее вокруг талии и очень близко к ее шраму. «Лучше никогда».

— Что никогда? — спросил Минато, хватая салфетку и вытирая лицо.

«Никогда не умирай от меня».

— Я… я просто так удивлён, химэ, — сказал Минато через минуту. — Ты… ты вернулся, чтобы остаться?

«У меня есть пара дней отпуска, и ты отсюда не выйдешь», — сказала она, погрозив ему пальцем и решив быть сильной. От пребывания в Конохе у нее уже мурашки по коже.

Минато пытался скрыть боль, которую он чувствовал из-за того, что его дочери не было дома. В конце концов, это был день праздника. «...От чего? Я очень рад, что ты здесь!»

Мито сварливо произнесла слова «довольна как пунш», понимая, что ее отец либо стареет, либо слишком часто тусуется со стариками. Она заметила немного седины в его светлых волосах и резко упала. "Вы старый."

«Прошу прощения? О. Да. Да, я полагаю, что по сравнению с вами я такой».

— Наруто-тян здесь?

«Руто! Руто!»

— Мито, — сказал Минато, на мгновение сосредоточив внимание на птице, которая только что нагадила на свой лучший диван. К счастью, это была кожа, и ее можно было стереть. «Скажи мне, что ты принес птичью клетку». Мито лишь невозмутимо взглянула на него — она была такая красивая. Форма ее больших глаз полностью соответствовала Кушине, хотя все согласились, что в остальном она больше похожа на него. Она была прекрасным воплощением их обоих, от цвета волос до цвета глаз.

"Что?"

— Ничего. Просто... ты такая красивая.

«О боги», — скорбела Мито, прежде чем свистнуть, призывая Руто-чана сесть ей на плечо.

«Твои шрамы прекрасно зажили».

Мито глубоко вздохнула, ее брови взлетели вверх, она уже не особо задумывалась о своей внешности. Она одарила его широкой фальшивой улыбкой, отказываясь идти по этому пути и спрашивать себя, насколько он действительно заботится о ней, учитывая, что он не видел ее с того дня, когда она была в лазарете.

Я сказал ему, что со мной все в порядке. Я сказал ему сосредоточиться на Наруто, когда он не работает. Это к лучшему .

По крайней мере, сегодня она наконец-то встретится со своим братом. А что касается шрамов на ее лице, то она довольно хорошо зажила - что еще более важно, все ее зубы отросли (как ни странно), хотя ее клыки почему-то стали длиннее и острее. Она думала, что шрам на верхней губе придает ей жестокий вид, а шрам от века, который поднимался вверх и разделял ее красную бровь, был довольно крутым.

— Если бы я знал, что ты придешь, — неохотно начал Минато, — я бы позаботился о том, чтобы Наруто был здесь. Его бедная дочь выглядела так, словно ее только что ударили под дых. «Он на экскурсии со своим классом».

«О, это... это приятно», — кивнула Мито, успокаивая себя тем, что, по крайней мере, у ее брата все хорошо. Пока она здесь, у нее будет время расспросить об этом своего отца и других – нравится ему это или нет! Обязательно хлопнув руками по стулу, она вскочила, когда тот развалился на куски. — Извини! Эй, — яростно сказала она, снова указывая на него пальцем.

«Нам нужно поговорить там, где у нас будет абсолютная конфиденциальность!»

Позже Курама внимательно слушал, как Мито и ее отец придумали план по передаче ему чакры обратно от этого отродья Соры. Интересно, что у младшего брата Мито тоже была часть его чакры. Ему тоже придется это получить.

Мито нашла Асуму с Куренай (естественно) и отвратительно покатилась в рамэн-бар, обняв его, просто чтобы раздражать. «Йо! Как проходит свидание?»

Асума поклялся себе, что покалечит ее, как только они останутся одни.

Куренай пристально посмотрела на нее.

«Так недружелюбно», — надулась Мито, обращаясь к владельцу рамэн-бара. «Можно мне всего понемногу, мой добрый человек?»

«АБСОЛЮТНО», — сказал Теучи, ухмыляясь, потому что он мог вспомнить эти волосы где угодно. «Прошло очень много времени, Мито-ч-Мито- химэ ».

«Ба! Не называй меня химе, пожалуйста. Никаких почетностей, пожалуйста ».

Теучи улыбнулась: ее мать была точно такой же. «Как пожелаешь, Мито-чан… « Мито ! » Пока ты называешь меня Теучи!»

Куренай тем временем развернулась на 180 градусов. «Так приятно наконец встретиться с вами! Я Юхи Куренай».

«Удовольствие», — сказала Мито, опустив голову. «Намикадзе Мито: это мое имя, смущать Асума — моя игра!»

«Я чертовски ненавижу тебя».

— Асума-кун, — горячо отругала Куренай, а Мито победно улыбнулась. Красивая красноглазая куноичи повернулась к ней спиной, решив игнорировать своего красивого товарища по команде Генина. «Ты мне уже нравишься. Хочешь присоединиться к нам?»

«Я… БЫ », согласилась Мито.

Кто знает? –Возможно, вернуться в Коноху было не так уж и плохо. И, конечно же, именно тогда она плюнула.

«Намикадзе Мито», — прорычала огромная пантера. "Время пришло."

http://tl.rulate.ru/book/96211/3296485